

УДК930.1(47)

ББК Т01(2)64

ГСНТИ 965.239

Код ВАК07.00.03

С.В. Филатов

Ростов-на-Дону

«ФОЛЬК-ХИСТОРИ» КАК УГРОЗА ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: альтернативная история; исторические науки; новая хронология; общественное сознание; массовая культура; коммуникативное пространство.

АННОТАЦИЯ. Социально-политические перемены в России на рубеже XX – XXI вв. породили феномен «фольк-истори» как составной части массовой коммерческой культуры, претендующей стать центральным элементом исторического знания и вытеснить научную историческую теорию.

S.V. Filatov

Rostov-on-Don

«FOLK-HISTORI» AS THREAT FOR REPRESENTATIVE HISTORICAL KNOWLEDGE

KEY WORDS: alternative history; historical sciences; new chronology; public consciousness; mass culture; communicative space.

ABSTRACT. Socio-political changes in Russia at a boundary of the XX-XXI centuries generated a "folk-histora" phenomenon as to become a component of the mass commercial culture applying the central element of historical knowledge and to force out the scientific historical theory.

За последние десятилетия в России сформировался обширный комплекс квазинаучных исторических трудов, созданных непрофессионалами, пропагандирующими необходимость пересмотра сложившейся на основе фундаментальных научных исследований модели всемирной и отечественной истории (1. С. 50-53). Продолжительное время обществу навязчиво предлагаются варианты реконструкции исторической реальности, не имеющие научного обоснования. В то же время сама историческая наука подвергается

агрессивной критике, читателю последовательно доказывается, что историки-профессионалы несостоятельны в своем деле и зачастую склонны к умышленным фальсификациям (2. С. 5). Не встречая на протяжении долгих лет фактически никакого отпора, подобная литература, которую сегодня принято называть «фольк-хистори», уже превратилась в значительный компонент общественной мысли, влияющий на массовые представления о прошлом, историческую беллетристику, программы учебных заведений (4. С. 77-80).

Сообщество «фольк-хистори» сегодня приобрело развитую структуру, в которой можно выделить авторов, условно представляющих «центр», определяющими специфику основных направлений жанра и их «эпигонов», воплощающих своеобразную «периферию» (3. С. 177 - 189).

Так, центральный жанр «фольк-хистори» вырос из экспансии представителей «точных» наук в гуманитарную сферу – это группировка А.Т. Фоменко, творчество С. Валянского, Д. Калюжного и др., сделавших отправной точкой своей «методологии» контрфактическое моделирование исторической реальности. Другое популярное ответвление – националистическое, выросшее в сфере идеологических столкновений между этносами и независимыми государствами СНГ, в котором лидируют М. Аджиев, Н. Ф. Шамаганов, М. Ермалович. Еще одну отрасль фольк-хистори можно условно назвать «игровой историей», историей тайн и загадок, отчасти выросшей из наименее качественной научно-популярной литературы советского периода, отчасти из литературно-философских аксиом постмодернизма. «Древнейшие» представители этого направления – В. Щербаков, О. Сулейменов, А. Бушков, В. Кандыба (3. С. 177 - 189).

На «периферии» «фольк-хистори» находится та сфера историко-философской публицистики, в которой исторические факты и их интерпретации играют роль стандартного набора «кубиков» для обоснования какой-либо политической или философской идеи, и, в случае конфликта с нею, могут быть искажены до неузнаваемости. Подобных примеров чрезвычайно много в истории российской общественной мысли перестроечного и постсоветского периода. В качестве примера могут быть названы получившие большую известность Э. Радзинский, А. Янов, В. Кожин (3. С. 177-189).

Бесспорно, что «фольк-хистори» как одна из форм исторического сознания всегда имела определенную социальную нишу и

была востребована частью российского общества. Однако с начала 2000-х гг. в стране произошел количественный скачок влияния этого феномена в рамках общей системы исторического знания, что привело, в конечном итоге, к качественным ее изменениям. Этому поспособствовал ряд причин и, прежде всего, особенности переломного состояния в социально-политической жизни страны.

Вполне ординарным и повседневным явлениям на протяжении советского периода российской истории была тесная связь гуманитарных дисциплин с господствующим монистическим мировоззрением. После утраты им доминирующей позиции в результате этой тесной связи оказался поколеблен прежний авторитет исторической науки, и профессиональные знания историков перед лицом массового скепсиса оказались бессильны. Проблематичный процесс адаптации инфраструктуры и теоретической мысли отечественных профессиональных историков к новой политической ситуации лишили историческую науку возможности быстро реагировать на потребности общества в новых исторических знаниях. Центральной фигурой новой модели взаимодействия истории и общества стал журналист, вытесняя более качественную, но запаздывающую информацию исследователей, собственной, научно не выдержанной, но быстрее доходящей до потребителя. Кроме этого, формирование независимых государств после распада СССР потребовало формирования новых официальных идеологических схем, и, в частности, теоретических разработок национально-государственной истории. Это обусловило массовый прорыв националистических настроений в систему исторического знания. В целом, названный комплекс причин является внешним по отношению к развитию научной мысли в области истории, тогда как существовали и внутренние предпосылки «триумфального шествия» «фольк-истории».

Инфраструктурная модель исторической науки, ее ролевая и функциональная установка в социуме советского периода фундаментально отличались от их западных аналогов. В течение 1990-х российским историкам пришлось принимать общие «правила игры». Адаптация исторической науки, во-первых, являлась частью масштабного процесса, захватившего большой сектор науки и культуры и, во-вторых, происходила не только в плане простого приспособления к политическим трансформациям в жизни страны: понадобилось перестраивать состав и внутреннюю жизнь базовых

структур научной истории под образцы, принятые в европейских и американских сообществах историков. В этом смысле, столкновение с «фольк-истори» явилось естественным этапом этого процесса. Только если для западного мира функционирование значительной части гуманитарной сферы в рамках массовой культуры – вполне обыденное явление, то в России расслоение на производителей духовных ценностей для интеллектуальной элиты и для массового потребителя в среде гуманитариев оказалось явлением новым.

Таким образом, развитие «фольк-истори» отражает социальный аспект вхождения большей части системы исторического знания в среду массовой культуры. Поскольку в российском общественном сознании роль творца в данной среде оценивается не высоко, ее представитель (историк непрофессионал) стремится всеми силами доказать, что он причастен к «высокой» культуре и науке, тогда как те, кто к ней действительно имеют отношение, разумно избегают подобного соседства. Однако с финансовой точки зрения крепнущий мир массовой культуры дает в такой борьбе больше возможностей. Поэтому вместо естественного разделения социальных функций между двумя ветвями сообщества гуманитариев происходит интенсивное вытеснение «высокой» культуры и в том числе фундаментальной научной истории с ее естественных позиций (5. С. 101).

В тоже время, как часть массовой литературы, «фольк-истори» основывается на четырех технических элементах: это интрига (основная идея, где отыскать и как представить потребителю комплекс тайн древности); обличительный пафос (борьба с образом врага, мешавшего до сих пор раскрыть истину); фактическая аргументация; «позитив» – то есть реконструкция на основе «разгаданных тайн» альтернативного пласта исторической реальности. Одновременно для «фольк-истори» в целом свойственно нежелание реконструировать историческую реальность в подробностях, по причине отсутствия у ее многочисленных авторов источниковедческих навыков, незнание ими технических приемов исторического исследования. Поэтому, например, нередко обоснование фактами подменяется ссылками на общую «истинность» теории или вписыванием событий, процессов, действующих лиц в общую абстрактную схему, поскольку само пребывание внутри этой схемы оказывается гарантией правильности предложенной интерпретации (6. С.

232).

Сегодня «фольк-истори» представляет собой реальную угрозу для научной истории, поскольку претендует на роль источника для всех прочих секторов исторического знания. Связь с этими секторами означает для научной истории связь с обществом, а вытеснение ее из названного коммуникативного пространства лишает смысла формулу «общественная дисциплина»: историческая наука оказывается в положении изолированной от главных информационных потоков социума «сектой профессионалов». На смену периоду «методологического плюрализма» и быстрого слома монистической модели исторического знания может прийти эпоха «фольк-истори», стремящейся занять доминирующую позицию в ключевых структурах системы исторического знания. Сегодня наиболее значительные объединения и личности, представляющие «фольк-истори», обладают мощными финансовыми, производственными и информационными возможностями для пропаганды и социального продвижения своих идей, чем любое научное или научно-учебное учреждение историков-профессионалов. Поскольку внутреннее состояние системы исторического знания зависит от состояния внешней социально-культурной среды, то поражение на этом «внешнем фронте» неизбежно скажется на профессиональном авторитете историков в обществе, а в результате и на общем положении научной инфраструктуры вплоть до вопросов финансирования.

Литература:

1. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М.: Вече, 2005. 320 с.
2. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М.: Единство, 1998. 256 с.
3. Володихин Д.М. Феномен фольк-истори // Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ 21 декабря 1999 г. / Под ред. В.Л. Янина. М.: SPSL – «Русская панорама», 2001. 296 с.
4. Лапенков В. История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории. М.: Яуза, 2006. 400 с.
5. Никифоров А. История versus псевдоистория // Эпистемология и философия науки. Т. XV. № 1. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 129-201.

6. Петров А. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 71-75.

УДК 314.7. 72

ББК 63.3

ГСНТИ 05.11.27.

Код ВАК 07.00.02

О.Г. Черезова

Екатеринбург

**ДОСТУПНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОЙ ПОД-
ВИЖНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВОМ ДЕСЯ-
ТИЛЕТИИ XXI В.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Свердловская область, сельское население, миграции, сальдо миграций, образование, сельская школа.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется миграция сельского населения. Одним из факторов миграционной подвижности сельского населения Свердловской области в последние полвека была образовательная политика правительства по отношению к сельской школе. Их закрытие приводило к отъезду населения из деревни.

O.G.Tcherezova

Yekaterinburg

**The AVAILABILITY of SECONDARY EDUCATION AS a
FACTOR of MIGRATION MOBILITY of RURAL
POPULATION of the SVERDLOVSK REGION IN the SECOND
HALF of XX – the FIRST decade of the XXI Century**

KEY WORDS: Sverdlovsk region, rural population, migration, balance of migration, education, rural school.

ABSTRACT. The article examines the migration of rural population. One of the factors of migration mobility of the rural population of the Sverdlovsk region has been educational policy of the government in the last half century in relation to the village school. Their closure led to the departure of people from the village.

На протяжении всей половины XX и в первого десятилетия